

В чиновничьих кругах Янчжоу всю царил переполох. Одни спешно собирали пожитки, готовясь бежать вместе с нажитым добром, другие же планировали нажиться на грядущей войне.

И лишь в крохотных уездах вроде того, где обосновался Е Сяои, жизнь текла своим чередом. О скорой буре здесь никто не догадывался, так что подготовка к уездному экзамену шла строго по расписанию.

На рассвете сонные стражники лениво вынесли фонарные столбы и принялись зычными голосами загонять суесящихся кандидатов в очередь. Каждого тщательно обыскивали, выкрикивали имя по списку и лишь затем пропускали во внутренний двор к назначенным столам.

Е Сяои ни о чём не подозревал. Он радовался жизни, ведь ему только что удалось проучить одного наглеца.

Пока отстоишь длинную очередь да перенесёшь досмотр — пройдёт добрых полчаса. Оказавшись наконец у своего стола, Е Сяои без сил опустился на стул. Горло пересохло, так что он первым делом припал к пиале с чаем, а заодно принялся уплетать принесённые с собой пирожные.

Сидевший позади Ван Гаоцзюнь скосился на него и заговорщически прошептал:

— Ты зачем эту воду выпил?

Е Сяои тут же вспомнил собственную уловку. Спустя мгновение он прижал ладонь к животу и со страдальческим видом простонал:

— Пить слишком хотелось, совсем из головы вылетело... Слушай, у тебя бумаги с собой нет?

Ван Гаоцзюнь лишь сочувственно покачал головой:

— Нет. Но если припёрло, беги скорее в уборную. Пока всех по списку не выкрикнут, время ещё есть.

Смысл был ясен: разок можно и без бумаги обойтись, главное — успеть облегчиться, пока ворота не закрыли.

Е Сяои прикинул, что до начала экзамена — а он назначен на час змеи, то есть на девять утра — времени предостаточно, да и досмотр на входе затянется. Почему бы действительно не выйти и не избавиться от лишней жидкости? Он поднял руку и отпросился у надзирателя. Тот лишь безучастно махнул рукой, отпуская его. В эту эпоху сотовых телефонов ещё не изобрели, списывать было особо неоткуда, так что провожатых к нужникам не приставляли.

Прогулявшись до отхожего места и вернувшись обратно, Е Сяои доел пирожные, запил их остатками чая, и тут как раз пробил час начала испытаний.

Главный экзаменатор строгим голосом в который раз принялся втолковывать нетитулованным кандидатам прописные истины: имя писать строго в специально отведённом месте, которое потом запечатают, и обязательно указывать номер стола. Если чьё-то имя случайно окажется на виду во время проверки, работу немедленно аннулируют.

Повторив это предупреждение раза четыре, чиновник наконец велел раздать листы — как юнцам, так и седовласым мужам, пришедшим попытать удачу. Экзаменационный бланк представлял собой пачку из десятка листов, расчерченных на аккуратные клетки для удобства подсчёта иероглифов. К ним прилагалось несколько чистых листов для черновиков.

Правила обращения с черновиками оказались на удивление похожи на современные: на каждом следовало вывести своё имя, а по окончании экзамена их все до единого изымали.

Е Сяои невольно усмехнулся, заподозрив, что составители регламентов в его прошлой жизни просто-напросто подчистую списали правила у далёких предков.

Ровно в девять перед залом гулко забил барабан. На деревянную доску вывесили первую задачу. Благодаря отменному зрению Е Сяои без труда разглядел выведенные на ней крупные иероглифы: «Разъяснение сути... на что уповают миллионы подданных».

Середина текста была предусмотрительно занавешена плотным чёрным сукном. На всеобщее обозрение выставили лишь первую и последнюю строчки — классическое задание на восстановление пропущенного отрывка.

От кандидатов требовалось по памяти воссоздать скрытый фрагмент. Ошибся в слове — штраф, пропустил знак — штраф, допустил пометку или неровный штрих — пиши пропало. Вдобавок ко всему, строжайше оценивался почерк. Подобные задания проверяли не столько глубину ума, сколько усидчивость и каллиграфию. Если текст без ошибок воссоздавали многие, то места распределялись исключительно по красоте написания.

Е Сяои сосредоточился, стараясь выводить иероглифы безупречным, ровным уставным письмом. Он занимался каллиграфией всего три года, и состязаться с потомственными книжниками в изяществе стиля не мог — его единственным оружием была абсолютная, почти геометрическая аккуратность.

Но стоило ему дописать до середины листа, как кто-то бесцеремонно похлопал его по плечу. Из-за спины донёсся шёпот малолетнего наглеца Ван Гаоцзюня:

— Эй, Е Сяои, а что там вообще написано?

Е Сяои в ужасе замер: с кончика его кисти сорвалась жирная чёрная капля и с тихим шлепком расплылась прямо по свежим, аккуратным строчкам. Труд последнего получаса был безнадёжно испорчен.

Е Сяои сжал зубы так, что челюсти заныли.

«Ты даже „Канон сыновней почтительности“ не удосужился открыть! Какого черта ты вообще припёрся на экзамен?!»

Разговоры в зале строжайше карались. Из-за этого недоумка его самого могли обвинить в сговоре и вышвырнуть вон! И надо же было судьбе распорядиться так, чтобы этот балласт посадили прямо за ним. Нет, от такого «союзника» нужно держаться как можно дальше.

Приняв измождённый вид, Е Сяои поднял руку и обратился к восседавшему на возвышении уездному начальнику:

— Господин, у этого ничтожного ученика внезапно разболелась и закружилась голова. Позвольте мне пересест поближе к вашему столу, дабы прийти в себя? Ваша чиновничья добродетель и величие столь сильны, что перед их лицом любая хворь мигом рассеется.

Чиновник, польщённый столь изящным славословием, благодушно кивнул и жестом разрешил юноше перенести вещи. Среди сотен присутствующих здесь искателей удачи наверняка найдутся будущие сюцаи, так что отказывать в такой пустяковой просьбе на глазах у всех было бы недальновидно.

Устроившись у судейского помоста, Е Сяои наконец-то вздохнул с облегчением. Теперь он мог писать спокойно, не опасаясь внезапных тычков в спину.

Стоило Е Сяои сменить место, как Ван Гаоцзюнь принялся вытягивать шею подобно любопытному журавлю, бесстыдно пытаясь заглянуть в чужие бланки.

«Как же вовремя я унёс ноги!»

Списывание на экзаменах — дело грязное. Донесёшь на соседа — надзиратели могут и тебя притянуть за соучастие. Промолчишь — если обман раскроется, обвинят в укрывательстве, и тогда прощай мечта о звании лучшего из лучших, чжуанюаня. Избежать этого болота изначально было самым верным решением.

Тексты на доске меняли трижды. Каждый отрывок насчитывал не более пары сотен знаков, и все они были взяты из классических канонов. Никаких каверзных или малоизвестных трактатов экзаменаторы предлагать не стали, так что утреннее испытание прошло на удивление гладко. Закончив переписывать тексты из Четверокнижия, Е Сяои отложил кисть и устало размял затекшие пальцы — от долгого напряжения руку немилосердно ломило.

Тщательно вычитав написанное и убедившись, что в иероглифах нет ни единой ошибки или неверного росчерка, он аккуратно вывел своё имя и номер стола в углу бланка. Теперь оставалось лишь дожидаться, пока помощники соберут работы.

После полуденного перерыва должна была начаться вторая часть. На сей раз кандидатам предстояло состязаться в стихосложении — традиционном искусстве «ши». За годы упорной учебы Е Сяои назубок зазубрил правила построения парных фраз, так что ритмика и рифма не пугали его. Но истинное мастерство поэта не ограничивается сухой теорией. Чтобы создать шедевр, требовалась искра вдохновения, а её нельзя было вызвать по первому требованию.

В его памяти прочно засели тысячи готовых созвучий из детских учебников рифмы вроде «Введения в созвучия» или «Рифм Ливэна». Все эти бесконечные «облака против дождя, снег против ветра, закатный отблеск против ясного неба; прилетающие дикие гуси против улетающих ласточек, спящие птицы против поющих цикад» отскакивали у него от зубов. С технической точки зрения его стих обещал быть безупречным. Трудность крылась в другом: порой его поэтическим образам не доставало той лёгкости и глубины, которой с рождения обладали одарённые литераторы.

Впрочем, составить ладное, складное стихотворение он мог без труда. А уж принесёт ли оно победу — зависело лишь от того, найдутся ли среди экзаменуемых настоящие гении.

Быстро пообедав, Е Сяои устроился поудобнее прямо за столом и вздремнул часок. Разбудил его шорох — помощники вывешивали на доску тему для сочинения.

Заданием оказалась классическая строка из древних «Чуских строф»: «Царевич ушёл и назад не спешит, весенние травы буйно растут».

Многие соискатели — от безусых юнцов до умудрённых годами мужей — растерянно уставились на доску. Ван Гаоцзюнь, не изменяя своим привычкам, вытянул шею и зашептал соседям:

— Слышь, они же сами стих написали. Нам-то теперь чего сочинять?

По залу прокатился недоумённый гул. В этот момент из внутренних покоев величаво вышел уездный судья. Он с силой опустил судейский молоток на стол:

— Тишина!

Шум мгновенно смолк.

На самом деле тема была избитой. Подобный вопрос уже встречался на экзаменах прошлых лет в других провинциях. В сборниках задач, которые Е Сяои старательно штудировал перед испытанием, этот случай подробно разбирался. Более того, он наизусть помнил стихотворение,

признанное когда-то абсолютным шедевром.

Это было знаменитое произведение великого поэта Бай Цзюйи, сочинённое им во время экзамена в шестнадцатилетнем возрасте — «Проводы на древней равнине»:

Широко раскинулись травы степные,

То вянут они, то под солнцем цветут.

Пожар не спалит их дыханием зноя —

Повеет весной, и они оживут.

К старинной дороге прильнул аромат,

И зелень укрыла покинутый град.

И снова я друга в дорогу веду,

А буйные травы полны тоски расставания.

Суть подобных экзаменационных стихов сводилась к развёртыванию заданной темы. Кандидат брал строчку из классического произведения и разворачивал её в полноценное стихотворение, строго сохраняя первоначальный смысл и настроение. Такой жанр именовался «стихами на заданную тему», а к названию обязательно приписывали слова «На тему...».

При оценке стихотворения судьи в первую очередь смотрели на рифму и чередование тонов. Главное требование — безупречное следование законам классического стихосложения: нерифмованные строки проверяющие даже читать бы не стали. По правилам, первый стих двустопный должен был оканчиваться на входящий или уходящий тон, а второй — на ровный.

К примеру, в шедевре «Проводы на древней равнине» иероглиф «травы» на конце первой строки произносился третьим тоном, а завершающий вторую строчку «цветы» — вторым, ровным тоном. Это соответствовало канону. В последующих строках все нечётные стихи оканчивались на уходящие тона, а чётные завершались ровными звуками. Что касается созвучий, то первая строчка могла оставаться без рифмы, но все чётные строки обязаны были созвучать. Идеальная рифма связывала строки воедино, превращая стих в уклад для слуха.

Второй важной деталью была композиция. Четверостишие обязано было строго следовать структуре «зачин, развитие, поворот, завершение». Для восьмистрочных произведений требования усложнялись — они перенимали композицию знаменитого «восьмичленного сочинения». Если разобрать те же «Проводы», то первые строки задавали образ цветущих трав

— это был «зачин». Последующие развивали мысль, говоря о вечном круговороте жизни, не подвластном огню — это «развитие».

Предпоследние строчки переносили читателя к теме разлуки на древней дороге — это «поворот». Наконец, финал подводил итог всему стихотворению, выражая щемящую тоску расставания — это «завершение». На экзаменах действовало то же правило, что и при оценке прозы: как бы искусно ни лились речи в начале работы, проверяющий сразу открывал заключительную часть. Одного взгляда на неё хватало, чтобы понять, раскрыл ли соискатель тему и глубока ли его мысль.

Финальный аккорд решал всё. Юный Бай Цзюйи поступил чрезвычайно дальновидно: он почти дословно вплёл в последнюю строчку слова из предложенной темы, проявив поразительное изящество. Мо Юэ тоже не раз наставлял Е Сяои, что в концовке крайне желательно использовать образные выражения из самого задания — обыграть их, переставить местами или аккуратно процитировать. Главное, чтобы проверяющий с первого взгляда понял: тема раскрыта безупречно.

За время учёбы Е Сяои написал немало подобных стихов. Он умел слагать гладкие, крепкие строфы, но подняться до высот поэзии великих мужей без внезапного озарения не мог. Конечно, он не собирался глупо списывать хрестоматийный шедевр Бая — эту работу экзаменаторы знали наизусть. Ему пришлось приложить все свои силы. Около двух часов ушло на кропотливый подбор созвучий, шлифовку фраз и выстраивание парных образов, пока на черновике не родилось новое стихотворение «На тему весенней травы».

С наступлением часа обезьяны — около трёх часов дня — кандидатам разрешили сдавать работы. Е Сяои не спешил. Он ещё раз придирчиво выверил каждое слово, подправляя шероховатости ритма и добиваясь глубины звучания. Наконец, сочтя стих безупречным, он начисто переписал его на экзаменационный бланк и сдал надзирателю.

На часах едва перевалило за три. Вокруг него десятки кандидатов в мучения грызли кончики кистей и яростно комкали испорченные листы, не в силах выжать из себя ни строчки. Е Сяои лишь снисходительно улыбнулся. Сочинить стих на одном лишь упрямстве, надеясь досидеть до заката, — глупая затея. Настоящее стихотворение рождается иначе: сначала нужно разобрать образ на отдельные штрихи, тщательно продумать каждую параллель, а затем умело вплести в каркас заученные ранее созвучия. И лишь когда костяк готов, можно приступать к огранке.

Миновав ворота Дракона, Е Сяои направился к дому. Солнце уже клонилось к закату, длинные тени ложились на пыльную мостовую. У входа толпились взволнованные родственники кандидатов. Своё временное пристанище юноша арендовал неподалёку от управы. Но стоило ему свернуть в тихий переулок, как из тени показалась высокая фигура. Мо Юэ крепко перехватил его за запястье и негромко скомандовал:

— Идём со мной.

Они быстро пересекли улочку и оказались в уединённом заброшенном дворике. Мо Юэ обернулся и, пристально взглянув на юношу, спросил:

— Зачем тебе сдалось это звание чжуанюаня? Ради славы? Богатства? С твоим нынешним состоянием тебе нет никакого дела до жалкого жалованья чиновника седьмого ранга. Да и зная твой нрав, ты терпеть не можешь рамки и условности. Так зачем же ты так упорно рвёшься в чиновники? Неужто ради призрачной чести предков?

Е Сяои иронично приподнял бровь:

— А разве сыновний долг — недостаточно веская причина? Стоит получить официальный чин, и моё положение в обществе вмиг изменится. Кто знает, быть может, со своими талантами я когда-нибудь возвышусь настолько, что стану всемогущим временщиком при дворе и буду вершить судьбы империи одним движением руки? Разве безграничная власть не заманчивее, чем унылое ведение купеческих дел?

«Не могу же я, в самом деле, признаться, что в моём теле тикает проклятая система, похожая на мину замедленного действия. И если я не завоюю звание чжуанюаня, то попросту испущу дух в день своего двадцатилетия!»

<http://bllate.org/book/18182/1760625>